

Биоморфный код русской культуры¹⁾

허성태²⁾

◁ Contents ▷

1. Введение
2. Отношения между культурой и код-языком
3. Биоморфный код русской культуры
4. Заключение

1) This study was supported by research fund from Chosun University, 2019.

2) Associate Professor, Dept. of Russian Language, Chosun University.

<Abstract>

Biomorphic Code of Russian Culture

Heo, Seongtae

This article tries to identify and describe a set of Russian substantial biomorphic codes (the world's flora and fauna). This article describes the essence of the linguistic world-image. In the article, "Linguistic world-image as an object of Linguistic description" is explaining the substance of the linguistic world-images, origins of their formation, functions and classification. Differences in conceptual and linguistic world-images are presented, taking into the singularity of their subjects. The plant and animal codes are brighter than any other linguistic domain and reflect the features of different people's understanding of superlingual reality. Using images of plants and animals, a person has seemingly completely unmotivated characteristics that reflect many aspects of human life.

Key Words

culture codes, biomorphic code, understanding of the world's flora and fauna, Russian language, linguistic world-image

I. Введение

"Культура - это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее,

обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее” (Телия, 1996: 226). С философской точки зрения культура понимается не просто как некоторая сумма идей и вещей, которые можно выделить, отделить друг от друга и описать. Весь мир человека – это мир его культуры, и проблема культуры – проблема самого человека, человеческого способа бытия, отношения к самому себе (Замалетдинов, 2012: 49).

По А.М. Лурии «огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» (Лурия, 1975: 8).

“Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом” (Толстой, 1995, с. 16).

Целью данной статьи являются обозначение и описание биоморфного кода для иностранных студентов, которые изучают русский язык.

Для работы нами выбран биоморфный код, потому что именно он включает в себя несколько культурных кодов. В данной статье мы обозначили и описали только биоморфный код культуры, который необходимо знать иностранцам, изучающим русский язык как РКИ.

II. Отношения между культурой и код-языком

Культура и язык – это формы сознания, отображающие деятельность человека. Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте (Тарасов, 1994: 109). Между культурой и языком существуют сложные взаимосвязи, опосредуемые целым комплексом социально наследуемых знаний и отношений, запечатленных в семантике слов и выражений. Следует отметить, что различные уровни языка и принадлежащие им единицы обладают разной степенью культурной «наполненности» и культурной обусловленности (Гудков, 2003: 141).

Основной культурный код во-первых, универсален, а, следовательно, работает в любом культурном типе и любом

историческом времени; во-вторых, он самодостаточен для формирования и сохранения человеческой культуры; в-третьих, он открыт к изменению, самопорождению новых культурных кодов, а так же вторичных – по их связи со структурами социальных кодов. Существование основного культурного кода определяется тремя параметрами, по которым происходит самоорганизация культуры в природе. Это предметность, знаковость и идеальность (Боброва, 2009: 24).

Американский лингвист Эдвард Сепир утверждает, что “современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и – в более отдаленной перспективе – с физиологией и физикой” (Сепир 1993: 123).

По Е.С. Кубряковой «языковая картина мира ... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» (Кубрякова, 1988: 169).

А по мнению В.А. Масловой «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или

иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» (Маслова, 2007: 296).

По Д. Б. Гудкову “те или иные объекты окружающего нас мира <...> оказываются способными нести некие добавочные значения. Имена, называющие подобные объекты, образуют связанные друг с другом вторичные семиотические системы, которые мы называем кодами <...> национальной культуры” (Гудков, 2004: 39).

Считают, что существуют базовые коды культуры (таковы соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный), внутри которых распределяются остальные (Красных, 2003: 298).

По мнению В.И. Шаховского “в культурный код входят: этническая картина мира, лингвально-национальное мировоззрение, основанное на истории общества, его стереотипах, традициях, нравах, шкале оценок, культурных ценностях. Единицы культурного кода детерминируются ментальными, языковыми или предметными знаками, поскольку культурный код – это и конгломерат систем знаний о народе, данном языке и правилах пользования им” (Шаховский, 2008: 118).

М.В. Пименова считает “код культуры – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством»; это также «таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (биофакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)” (Пименова, 2006: 41).

В. А. Маслова утверждает, что “культурная информация

хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит” (Маслова, 2001: 82).

В словаре термин «код» объясняется как совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания) (Словарь «Культура и культурология», 2003: 423).

По мнению В.Н. Телии, код культуры есть таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений (Телия, 1999: 20).

Мы понимаем под кодом культуры лучше всего можно представить как совокупность знаков, символов и их комбинаций, категоризирующуюся в картине мира того или иного социума.

Итак, на наш взгляд, коды помогают выявить характерологические черты мира эмоций для русского обыденного менталитета.

В нашей работе мы сосредоточим внимание на анализе биоморфного кода русской культуры.

III. Биоморфный код русской культуры

Биоморфный код культуры подразделяется на фитоморфный, связанный с растительными образами, и зооморфный, связанный с образами животных (Захарова, 2013: 191).

Зооморфный культурный код активизирует в сознании образы животных, птиц, насекомых, которые в составе языковых единиц репрезентируют, в первую очередь, качества и черты характера самого человека (Бойко, 2008: 94).

Растительные образы, вербализуясь и метафорически переосмысляясь активно используются в качестве характеристики окружающей действительности и человека (Самситова, 2012, с.1529). Такие переносные употребления названий растений с целью создания образной характеристики человека и связанных с ним предметов, понятий, явлений получают название фитоморфизмов (Сутормина, 2012: 311).

Биоморфный код русской культуры связан с разного рода живыми организмами, населяющими окружающий мир. Данный код включает в себя растительный и анималистический коды, отражает наивные представления русских людей о растительном и животном мире.

“Биоморфный код: красота – жизнь, красота – здоровье. В национальном культурном представлении красота связана с жизнью, уродство – со смертью. Связь «природной» красоты человека с жизнью воспроизводится в языковых клише. О женщине могут сказать: пре красна / красива, как сама жизнь, страшна как смерть. Жизнь и красота невозможны без физического здоровья. Поэтому в русской фразеологии

некрасивый человек — это человек нездоровый. Образ человека некрасивого / нездорового выступает в семантике ряда фразеологизмов: елее душа в теле, краше в гроб кладут, живые мощи и др. Образы фразеологизмов связаны с архетипической оппозицией жизнь (здоровье) / смерть (болезнь). Красота коррелирует с жизнью и здоровьем. Данное представление актуализируется в высказываниях, в которых слова красота и здоровье попадают в ряд однородных членов (т. е. сближаются по смыслу в рамках высказывания): Красота, здоровье — вот что делает человека счастливым. (Эй твин Г., Бриза О. Походка и осанка королев. Затмение соперниц грацией) (Маякишева, 2009: 230)."

"Устойчивые метафорические переносы, о которых пойдет речь далее, до сих пор не квалифицировались исследователями как базовые коды культуры. Почему мы называем их кодами культуры и вводим в описание фототермический, космический, социальный коды? В эстетической сфере человека регулярно встречаются конкретные метафорические переносы, которые могут быть возведены к абстрактным категориям, т. е. проявляется та же многоуровневая «сетка координат», которая была описана выше. К тем же абстрактным категориям возводятся устойчивые метафорические переносы в других референтных зонах. Например, фототермический код предполагает не только модификацию красота — свет, но и модификацию добро — свет, любовь — свет, зло — тьма и т. д. Рассмотрим последовательно наиболее очевидные явления." (Там же: 230).

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры

отражает представления человека о мире животных, растений. Биоморфный код связан в первую очередь с бытующими стереотипами восприятия и оценки животных и растений. По мнению В.В. Красных, стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его (образа-представления) национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) (Красных, 2003: 232).

Анималистический (зооморфный) код культуры, по мнению Ф.Н. Гукетловой, позволяет «выявить систему символов и эталонов национальной культуры, находящих отражение во фразеологическом и паремиологическом фонде языка, содержит богатый лингвокультурологический материал, который составляет значительную часть не только национального языкового сознания, но и воплощает в себе весьма самобытные черты культуры народа, выявляя специфику его мировосприятия. Животные, втянутые человеком в его мир преобразований, играя важную символическую роль в мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека» (Гукетлова 2009: 56).

Стереотипы некоторых животных являются древнейшими и имеют особое культурное значение. Так, лошадь рассматривается как животное сильное и здоровое (компаративные ФЕ сильный, как лошадь, здоровый, как

лошадь); 'нечто крупное, большое': лошадиная доза 'большая доза'; лошадиное лицо (о лице с тяжелой и вытянутой нижней частью). Отличительной чертой коня считается, в частности, его голос, называемый ржанием (ржать – 'громко смеяться'). Заметим, что лексемы лошадь/конь в русском языке амбивалентны: с одной стороны, это быстрое, свободное, сильное и грациозное животное, которое ассоциируется в русской языковой ментальности с трудолюбием (посл. Рабочий конь на соломе, а пустошляк на овсе; Конь не пахарь, не кузнец, а первый на селе работник), честностью (посл. Добрый конь не без седока, честный человек не без друга), опытом, житейской мудростью (посл. Старый конь борозды не портит), с другой стороны, конь упрям (посл. Добрый конь, но норовец есть), опасен (ФЕ темная лошадка) и глуп (ФЕ глуп как сивый мерин).

Интересны фразеологические единицы с этой лексемой: быть на коне – быть в выгодном положении; въезжать / въехать на белом коне – появиться в роли триумфатора, победителя, что связано с символикой белого цвета; гнать лошадей – торопиться, спешить; делать что-либо слишком быстро, второпях; держать в узде – сдерживать, ограничивать, контролировать кого-то (узда, уздечка – часть упряжи, надеваемая на морду лошади).

Очень часто под лексемой жеребец – в русском тексте речь идет о молодом человеке (мужчине), сексуально активном, напористом, полном нерастраченной энергии. Зато ФЕ ломовая лошадь имеет коннотацию человека, способного работать больше «нормы» без особого вознаграждения и «вытянуть на себе» заведомо непосильную работу; это восходит к

представлению о породе лошадей –тяжеловозов. ФЕ рабочая лошадка – человек, много работающий и не требующий, как правило, особого вознаграждения за свой труд. ФЕ старая кляча – имеет коннотацию непривлекательной, старой и усталой женщины.

Осел символизирует в русской культуре упрямство (ФЕ упрямый, как осел), однако этим же качеством русские наделяют и быка (ФЕ упрям, как бык), а также овцу (посл. Упрямая овца – волку корысть) и козу (посл. Упрям как Сидорова коза). Заметим, что бык еще ассоциируется со здоровьем и силой, а овца – с покорностью и глупостью.

Собака для русских – это и символ верного друга, и одновременно нечистого изгоя. Собака воплощает такие добродетели, как верность (посл. Собака человеку неизменный друг), бдительность (посл. При верной собаке сторож спит; Добрая собака три раза в ночь просыпается, чтобы за своим хозяином доглядеть; Собачка лает – хозяину весть подает, ФЕ нюх, как у собаки), привязанность (посл. Собака на того не лает, чей хлеб ест; Собака помнит, кто ее кормит; Собака привыкает к человеку, а кошка – к дому).

В русской языковой картине лексемы собака/пёс имеют отрицательную коннотацию, используются для обозначения гонителей и иноверцев, зла и недовольства (ФЕ злой, как собака; собаке/псу под хвост, пёс с тобой, посл. Собака кусает не из корысти, а из злости; глагол собачиться).

В русскую систему эталонов также входят: баран (глупость, упрямство), свинья (нечистоплотность, невоспитанность), курица (глупость, ограниченность (обычно о женщинах), змея (коварство), медведь (сила, неуклюжесть), волк (одиночество,

агрессия), муха (надоедливость), рыба (молчание, холодность), лиса (хитрость), гусь, индюк (глупость, спесь), ёж (недружелюбность) и др.

Человеческие качества, такие как прозорливость, ловкость описываются с помощью таких анималистических сравнений: ФЕ зоркий как орел; ловкий как обезьяна; внешний облик: ФЕ толстый как боров; с козлиной бородкой; наличие интеллекта или его отсутствие: ФЕ уставился как баран на новые ворота; повадки, умения, навыки: ФЕ повторяет как попугай, галдят как сороки и др.

В растительном и анималистическом коде ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности разными народами. Используя образы растений и животных, человек наделяется, на первый взгляд, совершенно немотивированными свойствами, которые отражают многие стороны человеческой жизни.

“В русском и в английском языках, образы животных указывают на меру старательности и желания показать как важно то, что мы делаем и как сильно мы устали. Трудиться, как пчела – *busy as a bee*, работать как лошадь (вол) – *work as a horse*. Интересен тот факт, что по сути одно и то же значение присуще и «лошади» и «пчеле». Только в первом случае, говорящий делает акцент на то, как энергично, быстро и ловко он работает для общего дела. А во втором случае, человек говорит о тяжелой работе, которую он выполнил и то, как сильно он устал” (Спирина, 2012: 158; Бей сембаева, 2017, <https://novainfo.ru/article/13159>).

“В русском языке с активным поведением пчелы

ассоциируется трудолюбивый человек, а в большей степени – женщина, которая работа без отдыха, внешне легко справляется с многочисленными делами. В данном выражении вместо пчелы может выступать муравей” (Уракова, 2015: 162; Бей сембаева, 2017: Там же).

Растительный код культуры является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов. Он связан с представлениями человека о мире растений. Мир растений, как показывают исследования, дал очень богатую систему эталонов.

Что касается мира растений, он представляет собой чрезвычайную активную сферу-источник для концептуализации самых разнообразных явлений (предметов, веществ, свойств человека, абстрактных понятий), что так же объясняется особой важностью этого фрагмента эмпирии в человеческом опыте: «Народная фитонимия заслуживает самого пристального внимания, ибо это одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» (Коновалова, 2001: 5).

Пожалуй ста, не забудьте правильно оформить цитату:

Василенко О.И. Взаимодействие цветового и растительного кодов культуры, реализованное в процессах семантической деривации // *Universum: Филология и искусствоведение* : электрон. научн. журн. 2016. № 11(33). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/3862> (дата обращения: 12.06.2020).

Важную роль в русской картине мира играет такое дерево, как дуб (ФЕ крепкий как дуб, молодой дубок). Дуб – особо

почитаемое дерево (Царь Дуб), наделенное мифологической символикой, с ним связано много поверий и примет. Это мировое дерево, моделирующее вселенную, ассоциируется с рождением (обычай сажать дерево при рождении младенца) и смертью человека (ФЕ дать дуба; дубовый гроб). Дуб – место обитания мифических персонажей (ведьм, леших, русалок). Дуб наделен мужской символикой, олицетворяет силу и крепость, имеет прочную связь с верхним миром. Сегодня дубом называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза (ФЕ стройная как березка), ива (посл. От ивы яблоко не родится) и верба (посл. Не верба бьет, старый грех; Кто сказывает на вербе грущу, врет)¹⁾. Верба считалась у славян священным деревом, символом непрерывности и постоянства жизни (посл. С вербой и зиме не сладить).

Следует заметить, что многие представители растительного мира имеют отрицательно-оценочный потенциал. Так, слова – эталоны: лён (компаративная ФЕ мягкий как лён – 'о безвольном человеке'), лопух (о неопытном, незащитном, не очень умном человеке; глаголы лопухнуться, пролопушить), одуванчик (ФЕ божий одуванчик – о пожиле, физически слабом, немощном человеке, обычно о женщине, в семантике слова имеется сема 'не отличается особым умом'), репей (о навязчивом, прилипчивом человеке), сморчок (о невзрачном человеке, неяркой личности) и др. Наличие негативных коннотаций у данных представителей растительного мира объясняется, на наш взгляд, наличием в их семантике семы:

1) *Иву* в русской культуре часто называют *вербой*.

'близость, приземленность, привязанность к земле'.

IV. Заключение

В этой работе мы попытались выявить и описать биоморфный код как основной код русской культуры, который необходим учащимся, изучающим русский язык.

Резюмируя вышесказанное, следует сделать вывод о том, что при моделировании языковой картины мира коды культуры закрепляются в языковых единицах различной степени сложности.

В растительном и анималистическом коде ярче, чем в любой другой области языка, отражаются особенности осмысления внеязыковой реальности разными народами, когда образы растений и животных в разных языках наделяются, на первый взгляд, абсолютно немотивированными свойствами. Характеристика человека через растение или животное, возникая на основе образного представления о том или ином растении или животном, наиболее ярко и непосредственно отражает национальную самобытность русского языка через систему оценочных образов, характерных для русского этноса.

“При изучении фразеологизмов, отражающих анималистический код английской культуры, мы считаем целесообразным придерживаться простой и логичной методики, известной как 3Ps, или PPP – presentation, practice, production, предполагающей, как следует из названия, три ступени освоения нового материала: 1) презентация нового материала, 2) контролируемая практика использования нового знания, 3) созд

ание собственного «продукта» на основе полученных знаний. Методика PPP широко используется на уроках иностранного языка во всем мире, в особенности на невысоких уровнях (Beginner, Elementary, Pre-Intermediate)” (Harmer, 2007: 50).

Выявление, изучение, описание кодов культуры, отражающих универсальное и национальное видение мира того или иного этнокультурного сообщества, способствует достижению взаимопонимания представителей разных народов и разных культур. Знание культурных кодов может помочь избежать коммуникативных неудач в ситуации опосредованной и непосредственной межкультурной коммуникации, даёт возможность быстро и успешно формировать и развивать лингвокультурологическую компетенцию как одну из важных комплексных компетенций при обучении иностранному языку, в нашем случае русскому языку как иностранному.

Ключевые Слова

культурные коды, биоморфный код, понимание мировой флоры и фауны, русский язык, языковая картина мира

<Reference>

- Бей сембаева, А. У.(2017). Биоморфный код культуры // филологическое науки, №66-1, 22.05.2017, <https://novainfo.ru/article/13159>.
- Боброва С.П. К вопросу о культурном коде и его базовых символах // Альманах современной науки и образования-2009-№1-С. 24-25.
- Бойко Л.Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 5. С 94-97.

- Гудков, Д. Б.(2004) Единицы кодов культуры: проблема семиотики. *Язык, сознание, коммуникация: Сб. Статей. Вып. 26*. 39-50.
- Гудков Д.Б.(2003). Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: Гнозис.
- Гукетлова, Ф. Н.(2009). *Зооморфный код культуры в языковой картине мира*. Дис... д-ра филол. наук. Москва.
- Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // *Филология и культура*. 2012. № 2 (28). С. 49-53;
- Захарова М.А. Реализация соматического, зооморфного и фитоморфного культурных кодов в донских фразеологизмах, характеризующих трудовую деятельность // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. №. 2 (54). Том 1. С. 191-194.
- Harmer, J.(2007), *How to Teach English [Text]* / J. Harmer. - Pearson Education Limited, - 288 p.
- Коновалова Н.И.(2001), Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. - Екатеринбург: Изд-во До-ма учителя, - 150 с.
- Красных, В. В.(2002). *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Москва: Гнозис.
- Красных, В. В.(2003). «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис.
- Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
- Культура и культурология : словарь(2003), Сост. и ред. А. И. Кравченко. -М., Деловая книга, - 925 с.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1975.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. - М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
- Маслова В.А.(2001), *Лингвокультурология*. - М.: Академия.

Маякишева Е.В.(2009), Коды культуры в эстетической сфере человека (по данным русского языка) // *РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ*, №3, ст. 228-232.

Пименова, М. В.(2006). Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе. Ментальность и язык. *Серия «Концептуальные исследования»*. Вып. 7. 16 - 61.

Самситова Л.Х. Сущность и специфика культурных концептов в языковой картине мира // *Вестник Башкирского университета*-2012-№3-С.1529-1532.

Сешир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.Издательская группа «Прогресс - Универс», 1993. 123 с.

Спирина Т.С. Структурные модели фразеологических единиц английского, русского и немецкого языков (на материале фразеологических единиц, характеризующих власть) // *Филологические науки и Вопросы теории и практики*. № 2-3 (42). 2014. С. 157-160.

Сутормина О.А.(2012). Фитоморфизмы в лексике и фраземике донских казачьих говоров // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 12 (116). С. 311-313.

Тарасов Е.Ф.(1994). Язык и культура: методологические проблемы // *Язык. Культура. Этнос*.-М.: Наука, С. 105-113.

Теляя, В. Н.(1999). Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. *Фразеология в контексте культуры*. 13-33.

Теляя, В. Н.(1996). *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».

Толстой Н. И.(1995). Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., С. 16.

Уракова Ф.К., Алтанавдар И. Лингвокультурологический анализ русских фразеологизмов с компонентом-зоонимом на фоне монгольского языка // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. №. 1 (157). С.

158-165;

Шаховский В.И. Литературный интекст как ключ к культурной памяти российского социума (на материале публикаций А. Минина) // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург. 2008. Вып. 2 (25). С. 115-125.

Name	Heo, Seongtae
Belong	Dpt. of Russian Language, Chosun University
E-mail	moscow111@hanmail.net

투고일	2020/05/03	심사일	2020/06/04
게재확정일	2020/06/11		